

Любовь Самсонова. (Прага).

СКАЗОЧКА.

За речкой шепот камыша...
 Поникни и молчи!
 Приникни к травам, не дыша,
 И свиста жди в ночи.
 И сердца торопливый бег
 Ладонью укроти,
 И повод у дорожных вех
 Потуже прикрути,
 И жди, когда прольется свет
 На золотой песок,
 И поищи пропавший след
 От чьих то быстрых ног.
 Заллачут в полночь камыши, —
 Молчи и не дыши.
 Пусть ночь черна, пусть ночь глуха, —
 Тем ближе пенье петуха!..
 Услышишь тихий шип змеи,
 Увидишь темных два крыла, —
 Не бойся, полночь уж прошла
 И близок час зари.
 Увидишь острые горбы
 И угля два — глаза.
 Не бойся бабушки Яги,
 Промчится вмиг ступа.
 Лишь голову скорей прикрой
 Осокой острой, иль кугой, —
 Ударит в голову ступой, —
 Не вернешься домой!
 Не бойся лысенких бесят,
 Что дразнят под кустом;
 Шугни их, озорных ребят,
 Да припугни крестом.
 — А бойся девок водяниц!
 Их бойся цепких рук
 Они быстрее лесных зарниц
 За гранями излук.
 В них страшен алых уст изгиб
 И бледность нежных щек...

Беги от них, иль ты погиб,
 Зарой лицо в песок!..
 Не слушай сладких их речей.
 Страшися света их очей,
 Поникни низко в камыши,
 Молчи и не дыши!..
 Взовьется реакий смех, звеня,
 И смолкнет под водой,
 И тут, услышишь храп коня, —
 Хватай его! Он твой!
 Свист разобьет почную тишь,
 Прильнет к земле, дрожа, камыш
 И оживет весь страшный лес:
 Болото оживет,
 Сыпнет в глаза золою бес,
 Русалка запоет...
 Поднимет нечисть крик и гам,
 Прильнет свинцом к твоим ногам
 Эй, молодец! Поберегись!
 На коня!.. и птицею несись
 По топким берсгам.
 Обернешься назад — пропал!
 Взовьется легкий прах
 И смехом глянется оскал,
 На конских черепах...
 Зайдешь, дрожа, в глухую муть. —
 Не выйдешь из осин;
 И прянет к горлу кошкой жуть
 Из стынувших трясин...
 ... Хватай коня, вались в седло!
 Моли Святой Покров,
 Чтоб показалось село
 До первых петухов.
 За речкой шепот камыша...
 Поникни и молчи...
 Приникни к травам, не дыша, —
 И счастья жди в ночи...

1929.

Санжа Балыков.

Лампадка Божья.

В длинные зимние вечера, когда в занесенном снегом „авуле“ воцаряется тишина, когда жизнь теплицы только в землянках, слабо мерцающих желтоватыми огоньками в ночной темноте, часто сходился соседя в просторную хату Шара-Манджи, жена которого, слепая Агхар, умела увлекательно рассказывать сказки и знала их так много, что каждый вечер угощала слушателей все новой и новой.

Ночь под Рождество 19** года была темная и вьюжная. Okolo полуночи, когда Агхар кончила длинную и полную приключений сказку „О вещах несурзных, из землв неслыханной“, а собравшиеся заговорили о всяких таинственных событиях, один вспомнил, что сегодняшняя ночь — Рождественская, а у русских есть поверие, что в эту ночь летают ведьмы, беснуется нечистая сила и открываются клады.

— То неправда, какие там у иноверов могут быть чистые и нечистые духи. Русские — дети воды. Первый русский вышел из промеж воды и яра. Ни Бога, ни черта у них нет. Души их после смерти не перерождаются, а превращаются в прах — заговорил старик Галда, высекая красалом искру из кремня на трут, чтобы закурить очередную трубку.

— Нет, Галда, вы неправы, есть у них и Бог и черт. — отвечал старик Бембе.

— А вы что, видели?..

— Да, я почти видел иянего Бога... Давно то было, сорок с лишним лет тому назад, было мне тогда лет, значит, 17—18, — медленно начал обыкновенно молчаливый и робкий, маленького роста старичек Бембе. Возвращался я из-за Маныча. Была тихая, морозная, звездная ночь. Затверделый снег громко и упруго хрустел под копытами коня... Ехал я напрямик, бездорожно. По моему расчету до дома осталось докурить всего две трубки, как я наехал вдруг на чудо... На покрытом снегом, небольшом кургане тихо, ровно, синеватым огоньком горела лампада в красивой серебряной лампаднице на большой серебряной тарелке, наполненной кучей золотых, сверкающих монет. Бояться, как будто, нечего, но мертвая тишина вокруг, темная ночь, пустынная белая степь и эта одинокая, кроткая лампада навели на меня оцепенение. В первый миг я похолодел от ужаса, по тут же, вспомнив, что лампада не может быть делом рук чертей, а указывает на близость Бога, смело слез с коня и приблизился к ней. Первым движением я хотел было ваить лампадку совсем с та-

релкой, но тут же понял, что нельзя. Сами знаете, что трогать горящую лампадку — великий грех... Вспомнил я там, как наша мать учила нас, детей, не подходит близко к лампаде, чтобы не поколебать ровного пламени. Решил ждать пока лампада потухнет. Скоро почувствовал, что из этого ничего не выйдет. Лампада была полна масла, а мороз, на мое несчастье, как будто крепчал больше. Стал я бегать вокруг кургана с конем вповоду, чтобы согреться, но долго не мог выдерживать. Холод начал пробираться меня насквозь. Подошел к лампаде, снял шапку, поклонился, мысленно попросил Бога не убирать шапку с золотом до утра, если мне суждено быть богатым, а потом сел на коня и поскакал домой. Когда дома рассказал отцу, он вспомнил, что эта ночь — Рождественская и что золото назначалось, видимо, для праведного христианина. Утром, чуть свет, поскакал я по своему вчерашнему следу. На-

шел тот курган, были следы моих ног, коня, но золота уже не было. С тех пор я верю, что и у христиан есть истинный Бог, раз под праздник Его рождения открываются земные клады, — закончил Бембе свій рассказ, под глубокое молчание слушателей.

— Уй!.. какой же вы недогадливый были, нужно было попросить по-русски Бога, если то был христианский Бог, а то Он не понял видимо нашей просьбы, — с усмешкой заметил старик Цебек.

— Я же не знал, что то был клад христианского Бога, думал, что наш — отвечал Бембе.

Гости начали расходиться желая друг другу хороших сновидений. На дворе начинал метать „пеший“ бурян. Хутор безмолвствовал. Лишь редкий петух, в дупле кизячных скирд, выполняя свою полночную обязанность, затыгивал свой клич, но внезапно обрывал и, ежась от мороза, умолкал..

Алексей Персидсков. (Братислава).

ЖИДОВКА.

Плеская на землю радужное пиво —
Ночей моих бесплодная мечта;
Ты улыбнулась пасмурно и криво.
Подобе скорченной распятого Христа.

Его несли, как и тогда... нагого,
С венцом терновым на кровавом лбу,
От человека родшагося Бога,
Прибитого гвоздями ко кресту.

Ты, как и встарь, украдкой посмотрела,
Тая в душе безумья огонек,

На жалкое, истерзанное тело, —
На божеский в распластанном намек.

Ты б не пошла, я знаю, на Голгофу;
В слезах Его не стала б утешать,
Как верная прерывистому вздоху,
Его вскормившая святая Мать.

Ты, прежняя, осталась без измены,
Лишь только взгляд лукавый ныне гаж,
Достойная улыбки первой Евы,
Ты, знойная, и по столетьях та ж.

Олександр Півень (М. Забігайло).
(Югославія).

Василь та Наталка.

(Нова козацька дума на старий кобзарський спів).

Ой то ж не орел сизокрилий
В яснім небі лігав,
По-над широким степом кругляе,
У траві звіря-птаха підглядає. —
То козаченько жвавий, молоденький,
Мов той сокіл бистренький,
Свій батьківський двір покидає,
Із станиці у чисте поле виїжджає;
На-бакір шапочку заломивши,
Головоньку на правий бік схиливши,
У воєнний похід виступає,
До війська славного козацького,
Рідного Кубанського
Їде — поспішає.
Під ним добрий кониченько,
Його вірний Дружок і ніденький,
Грає-виграє та басує,
Бо далеку дариженьку чує.
Ой то ж не горлиця-голубонька
У зеленому вишневому садочку
Жалібно стогне-туркоче,
Наче б то плаче,
Що свого дружка-голубка не баче, —
То козакона любя-миленька,
Його вірна дружинонька,
Молодая молодця,
Чорнява-білолиця,
Свого чоловіка за ворота випроважає,
Гірко плаче-ридає.
Рученьки білі угору вдіймаючи,
Коси чорні з жалю розпускаючи,
За коником біжить-поспішає,
Рученьками за сіделечко хватає,
Жалібно-голосно промовляє:

— „Соколику мій милий,
Василечку мій любий-коханий!
Та куди ж ти знову виїжджаєш?
На кого мене, молоду, покидаєш,
З малыми діточками зоставляєш?
Ой вернись, вернись, Василечку,
Бо в тобі вся моя силечка,
Вся ж моя надічка!
Годі вже тобі воювати,
Годі чужу кров проливати,
А свою вірну дружиноньку
Дома зоставляти!
Ой що ж то за війна така,
Що нема їй ні кінця, ні краю?
Та вона ж Богом і людьми проклята,
Коли ви убиваєте брат-брата!
Мабуть ти вже мене не любиш,
Вірно не кохаєш,
Коли так часто покидаєш
Одну-однісіньку коло хати
День і ніч без тебе сумувати.
Ой послухай мене, Василечку, останься,
На гіркі сльози мої зглянься:
Болить, ох, болить моє серденько,
Щось воно віщує, —
Видно лиху незгодоньку чує!
Та й кінь під тобою.
Ти глянь, аж два рази спіткнувся,
Хиба ж коли бувало,
Щоб козак після того вернувся?
Ой, Боже ж мій, Боже!
Знаю я тепер, добре знаю,
Що послідній раз тебе випроважаю:
Через те оттак гірко й плачу,